

Призрачная лоза, казалось, могла питаться плотью и кровью. Чем больше Лихуо, Цзе Ган и его люди боролись, тем крепче сжималась лоза. Через короткое мгновение с них уже капала свежая кровь.

Чжэнь Пин, смеясь, как маленькая ведьма, не сделала опрометчивого шага вперед, вместо этого она стояла на месте, наблюдая, как Цзе Ган и другие все глубже и глубже увязают в неприятностях.

“Это просто возмутительно, абсолютно позорно. Как человек может быть таким подлым?”

Ян Чжэнь покачал головой, наблюдая за происходящим, жаль, что такая красота растрочена впустую на вора. Как и ожидалось, чем красивее девушка, тем лучше у нее получается обманывать людей. Как человек может обманывать других настолько бесстыдно?

Через некоторое время Цзе Ган и другие были бессильны сопротивляться, а самого жалкого из них, Лихуо, Призрачная Лоза почти высосала досуха.

Чжэнь Пин усмехнулась, ее длинный меч каким-то образом превратился в хлыст, появилась вспышка зеленого света. Она подошла к Цзе Гану и остальным, усмехнулась и сказала: “Это урок для вас, ребята. Мир боевых искусств опасен, всегда будь осторожен, когда выходишь за его пределы. Иначе ты бы даже не узнала, как умерла.”

“Младшая сестра, будь осторожна!”

Внезапно Старшая сестра закричала и бросилась к Чжэнь Пин. В воздухе ее лицо побледнело, ее вырвало свежей кровью, и она упала на землю.

Лицо Чжэнь Пин изменилось, она тоже упала на землю, холодно глядя на Цзе Гана, и сказала сквозь стиснутые зубы: “Презренный негодяй, ты использовал яд?”

Цзе Ган ухмыльнулся, злобно сказав: “Чжэнь Пин, ты была права. В мире боевых искусств вы всегда должны быть начеку. В противном случае вы даже не узнаете, как вы умерли.”

“Ты...”

Чжэнь Пин не ожидала, что Цзе Ган использует ее слова против нее. На мгновение она выглядела разъяренной и попыталась встать, но снова упала на землю.

“Не сопротивляйся, это уникальный яд секты Хэйян. Не имеющий цвета и запаха, он может запечатать твою Истинную Сущность и проникнуть в сердце и внутренние органы. Через мгновение ты умрешь, и тебе негде будет похоронить себя”.

Лихуо, все его тело было в крови и побоях, все еще умудрялся насмехаться над Чжэнь Пин, затем задрожал, как будто Призрачная лоза натянулась еще сильнее, его лицо побледнело еще больше.

Всего за короткое мгновение этой группе удалось зайти в тупик, к большому изумлению Ян Чжэня.

Хуже всего пришлось овце позади них. В какой-то момент она взмывала ввысь от боли, когда Призрачная вплетенная в нее Лоза обвилась вокруг нее, а в следующий момент она была отравлена и томила на земле. Пристально глядя на две группы, он выплеснул свою сдерживаемую ярость, непрерывно фыркая.

“Чжэнь Пин, в этой ситуации мы не выиграем от несчастья друг друга. Почему бы нам одновременно не удалить яд друг у друга, а затем обсудить право собственности на овец ?” Цзе Ган холодно уставился на Чжэнь Пин, его голос стал слабым.

Чжэнь Пин холодно хмыкнула, с трудом вставая, и сказала: “Ты молишь о пощаде?”

Цзе Ган странно рассмеялся и сказал: “Я просто не хочу умереть здесь тупицей”.

Чжэнь Пиньер, помолчав мгновение, достала из-за пазухи нефритовый флакон и сказала: “Мы сделаем это на счет три”.

Лицо Цзе Гана странно дрогнуло, и, вытащив нефритовую бутылочку из-под своего платья, он сказал: “Хорошо, если кто-нибудь не откроет ее, он будет обречен и навсегда лишится возможности достичь Дао”.

“Хорошо”, - кивнула Чжэнь Пин, доставая из-за пазухи еще один нефритовый флакон.

Увидев это, Цзе Ган усмехнулся: “Репутация Чжэнь Пин, ведьмы, действительно заслужена”.

Цзе Ган, криво улыбнувшись, также беспечно переключился на другую нефритовую бутылку.

Чжэнь Пин, увидев это, усмехнулась в ответ: “Аналогично”.

Ян Чжэнь удрученно вздохнул: “Как люди могут быть такими бесстыдными и неэтичными? Мир действительно опасное место. Эти группы действительно достойны презрения. На самом деле в мире осталось не так много честных и добродетельных людей, подобных мне.”

“Раз”

“Два”

“Три”

Ух, ух, две нефритовые бутылки описали дугу в воздухе навстречу друг другу.

Ян Чжэнь с испуганным криком спрыгнул с дерева. В воздухе он ловко схватил две нефритовые бутылки, приземлился перед овцами и закричал.

“Бедный Сяо Цян, бедный я, ты отослал мою черноволосую овцу в загробный мир, как я буду жить?”

Чжэнь Пин: “...”

Цзе Ган: “...”

Все были поражены криком Ян Чжэня, ошеломлены, наблюдая, как он драматично вопит перед павшей овцой.

Но плач Ян Чжэнь был просто чрезмерным, заставляя уголки губ Чжэнь Пин и Цзе Гана бесконтрольно дрожать, оставляя их беспомощными.

“Бесстыдница!” Чжэнь Пин уставилась на Ян Чжэня, стиснув зубы.

“Бесстыдница!” Цзе Ган скорчил гримасу, невероятно ошарашенно глядя на Ян Чжэня.

“Это был ты... ты убил моего Сяо Цяна?” Опустошенно спросил Ян Чжэнь, поворачиваясь, чтобы посмотреть вниз на Цзе Гана и Чжэнь Пин с мрачным выражением на лице.

“Уважаемый брат...” Цзе Ган открыл рот, заставляя себя улыбнуться.

“Не умасливай меня, кто твой брат!” - сердито сказал Ян Чжэнь, напугав Цзе Гана. “Ты убил моего Сяо Цяна, теперь, как ты собираешься это исправить?”

“Ты бесстыдник!” Чжэнь Пин широко раскрытыми глазами уставилась на Ян Чжэня. “Какие у тебя есть доказательства того, что эта мертвая овца - твой Сяо Цян?”

Ян Чжэнь цыкнул: “По сравнению с твоим бесстыдством я сильно отстаю; подставлять людям подножки, использовать коварную тактику - ты мастер во всем этом”.

“Ты...” Слова Чжэнь Пин были прерваны тем, что ее младшая сестра потянула ее сзади за одежду.

Все трое были сильно отравлены. Если бы они быстро не приняли противоядие, то упали бы замертво в течение четверти часа. Очевидно, сейчас было неподходящее время для них, чтобы спорить с Ян Чжэнем.

Чжэнь Пин с трудом поднялась на ноги: “Даже если я умру, я не позволю этому подлому и вероломному негодяю добиться успеха”.

“Отлично!” Ян Чжэнь весело посмотрел на всех, держа в руке две бутылочки с противоядием. Одно предназначалось для противодействия яду Призрачной лозы, а другое - для другого яда. Он взвесил их в руке: “Те, кто не хочет умирать, поднимите руки!”

Цзе Ган и его спутники немедленно подняли руки. Только Лихуо, который был связан, как пельмень, не мог поднять руку и жалобно завыл.

Женщина с квадратным лицом и боевая сестра Чжэнь Пин на мгновение заколебались, а затем тоже подняли руки.

Чжэнь Пин пристально посмотрела на Ян Чжэнь, а затем, фыркнув, отвернулась.

Люди таковы, как только их жизни оказывается под угрозой и они вынуждены прекратить сопротивление, можно договориться о чем угодно. Две бутылки с противоядием в руке Ян Чжэня были той соломинкой, которая сломала спину верблюду.

“На самом деле, я разумный человек. Ты просто должен отдать все, что у тебя есть, и рассказать мне обо всех методах совершенствования и боевых навыках, которые ты практиковал. Тогда я отпущу тебя, и с этого момента каждый из нас пойдет своей дорогой, хорошо?”

“Как пожелаешь!” - яростно сверкнула глазами Чжэнь Пин.

Ян Чжэнь пренебрежительно махнул рукой: “Мертвые люди не имеют ни права говорить, ни возможности вести переговоры!”

“Ты...” Чжэнь Пин была так зла, что выплюнула полный рот крови.

“Я собираюсь сосчитать до трех, и если ты не отдашь это, я уйду!”

“Один”.

Ян Чжэнь ходил и считал.

“Три”.

“Подожди... подожди, я тебе дам!” Цзе Ган стиснул зубы.

Ян Чжэнь тут же расхохотался, хлопнул Цзе Гана по лицу и сказал: “Вот так-то лучше. Те, кто понимает, что такое времена, - великие люди”.

Как только кто-то начинал, остальные следовали за ним. Даже женщина с квадратным лицом и боевая сестра нерешительно рассказывали о своих методах совершенствования и боевых навыках. Только Чжэнь Пиньер все еще сопротивлялась, но она уже смертельно побледнела и неудержимо дрожала.

“Теперь осталась только ты”, - весело сказал Ян Чжэнь, стоя перед Чжэнь Пин.

<http://tl.rulate.ru/book/104537/3698807>